

НАЛИЧНЫХ СИЛ НЕ ХВАТАЕТ!

Как формировались банковские комитеты

Во второй половине XIX в. среди руководителей кредитных учреждений, их товарищей (заместителей), членов учетно-ссудных комитетов и отделов были, как правило, крупные предприниматели. Если присмотреться к составу первых пермских банкиров, сравнить с корпусом первогильдийных купцов – знакомые все лица!

И в этом не было, конечно, ничего удивительного. Тот, кто умел копить трудовую копеечку, кто научился приращивать капитал, тот сразу понял необходимость и полезность такого учреждения. А войдя в состав правления, оказавшись у руля того или иного банка, опытный коммерсант старался использовать все выгоды от своего положения на все сто процентов, раскручивал и свое дело «на полную катушку», и другим помогал. Это и оперативное вложение средств, и ссуды, и вклады, как срочные, так и бессрочные, и вечные вклады (с отчислением процентов до смертного часа вкладчика).

Правда, в таких случаях возникал неизбежный вопрос: а насколько надежны такие эксперты, те, кого избрали для оценки благонадежности клиентов банка? Смогут ли члены комитета обеспечить в каждом случае независимую экономическую экспертизу? Для того чтобы комитет не стал своего рода теневым кабинетом власти в городе, и был предусмотрен ряд мер. Члены кабинета, избираемые в банковский комитет, работали на безвозмездной основе, это были люди состоятельные, уважаемые члены общества. Для них была разработана специальная клятва: «Обязуюсь...действовать по совести..., хранить в тайне» - и т.д... Кроме того, каждую кандидатуру после обсуждения на месте утверждал Совет Госбанка, а затем министр финансов. Конечно, все случаи предусмотреть невозможно, кто-то из экспертов, случалось, и нарушал клятву. Не всем удавалось хранить коммерческую тайну, но в основном своему предназначению комитет соответствовал.

ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА

Ситуация не менялась до октября 1917 г. В архивном деле по личному составу Пермского отделения Госбанка (ф.113, оп. 1, д. 12) хранится интересный документ начала XX в. Управляющий данным отделением (им был тогда Федор Иванович Медведков) докладывает в Госбанк «по канцелярии» о необходимости увеличения состава учетно-ссудного комитета. Почему же возникла потребность усиления ключевого комитета крупными промышленниками?

На тот момент учетно-ссудный комитет состоял из 11 человек. Своему назначению, решению вопросов по торгово-промышленным кредитам, комитет вполне соответствовал. До поры до времени. Однако с наступлением нового века стали возникать «пробуксовки», огромную территорию Пермской губернии банк уже не охватывал, появились «прорехи» - несмотря на то, что представители всех ведущих отраслей местной торговли и промышленности здесь были представлены. Судите сами.

Вы интересуетесь хлебной торговлей – и зерновым хлебом, и сельскохозяйственными продуктами разных видов? Значит, вам к Михаилу Мануиловичу Камчатovu, в комитете он занимается этими вопросами. Почти десять лет Камчатov работал в учетно-ссудном комитете

Марьинского общественного банка. На ту же должность Пермского отделения Госбанка он был избран после того как внезапно ушел из жизни известный коммерсант и заводчик Иван Любимов. Нужды пермского рынка Камчатов изучил до тонкостей. У него и самого торговля бойко идет (большой мыловаренный завод на берегу Камы, лавки, магазины на Черном рынке), и другим плохого не присоветует. Торговые обороты его доходили до полумиллиона рублей. Вкладывать деньги в недвижимость купец также умел, доходные каменные дома Камчатовых на Красноуфимской приносили немалую прибыль. Требовательность и благожелательность принесли Михаилу Мануиловичу добрую репутацию.

Если вы пришли с предложениями по торговле ржаной мукой и крупаткой (крупатной мукой) или по мельничному делу - пожалуйста к Ивану Гавриловичу Миронычеву. Поможет разобраться со всеми вопросами, и все по чести, недаром выходец из крепкого старообрядческого рода. Чтоб все без обмана – так купец был сам приучен в семейном деле, и других наставлял в том же духе. Торговый дом «Миронычев с сыновьями» располагался в центре Перми, в доме Городского общества (Купеческого собрания), на Петропавловской.

Специалистом по торговле рыбой – как местного улова, так и сибирской – был всеми признанный знаток Игнатий Егорович Потеряев. Вместе с племянником он основал Торговый дом, лавки его находились на Черном рынке. Для речного города отрасль немаловажная, и в ней Игнатий Егорович, купец 1-й гильдии, чувствовал себя как рыба в воде. За этукую успешность его и выбрали банковские специалисты старостой Биржевого комитета. А старшиной комитета в то время был крупный пароходчик Николай Васильевич Мешков.

Встречаясь с Мешковым на бирже, Потеряев, бывало, подшучивал:

-Николай Васильевич, у тебя пароходов все больше и больше, ты нам всю рыбу распугаешь.

В ответ пароходчик- миллионщик улыбочиво бурчал в бородку:

-Каждому свое, дражайший Игнатий Егорович, каждому свое. Кому-то в мутной воде рыбку удить, в глубинах царствовать, а кому-то и поверху плавать надо.

Деловые аппетиты у обоих коммерсантов, надо сказать, были отменные. Николай Васильевич, задумавший уже к тому времени операцию по поглощению не кого-то – самих наследников Каменских (одно из первых камских пароходств!), обсуждал с Потеряевым, как с выгодой использовать банковский ресурс.

А председательствовал в биржевом комитете в те годы Иван Петрович Вилесов, еще один хороший знакомый Потеряева. В Пермском отделении Госбанка Вилесов был членом учетно-ссудного комитета по торговле пермской солью и вообще работал по солепромышленности.

По мануфактурной и галантерейной части русских торговцев и фирм занимался с деловым народом Ефим Петрович Пермяков. Самый крупный галантерейный магазин в Перми принадлежал товариществу «Пермяков, Досманов и К», расположен он был в пермяковском доме на Торговой улице. Ефим Петрович был также гласным (депутатом) городской Думы, возглавлял попечительский совет городской богадельни. Она находилась на Большой Ямской, возле церкви Симеона Верхотурского, и призревали здесь около 170 человек – больше, чем где-либо. Пермякова избрали старостой старообрядческой церкви.

В той же отрасли действовал и купец, гласный Муртаза Тимкин, но с одной существенной разницей: он работал в интересах пермских городских и уездных мусульман. Правление Госбанка прислушалось к руководству Пермского отделения, одоббив введение в состав учетно-ссудного комитета представителя местных национальных меньшинств, «нацменов», как называли в народе татар. В этом отразилась специфика пермского народонаселения. Мануфактурный Торговый дом семьи Тимкиных был расположен на Черном рынке. (В 1990-е годы один из потомков Тимкиных, бывший комсомольский работник, войдет в число первопроходцев на вновь создаваемой биржевой и банковской ниве).

Сектор судового и транспортного дела в Пермском отделении банка возглавлял Семен Алексеевич Курочкин, торговавший дровами, солью и др. Купцу также было поручено общение с уездным торговым крестьянством по мелкой торговле.

Управляющий Лысьвенским горным округом Адам Ильич Онуфрович возглавлял в учетно-ссудном комитете отдел по торговле металлами с приуральских металлургических предприятий и вел горнозаводское дело уральских заводов. К сожалению, общепользная деятельность Онуфровича (его избрали и гласным Пермского уездного земства) была насильственно прервана в июле 1914 г., он был убит во время бунта лысьвенских рабочих, мобилизованных в армию. Можно сказать, Адам Ильич погиб на посту, став одной из первых жертв империалистической войны, которую вождь большевиков призвал превратить в гражданскую.

Уникальной личностью, заметно выделявшейся в банковском окружении, был статский советник гласный городской думы Александр Васильевич Синакевич. Он стал в Пермском отделении основным специалистом по подрядной и строительной части, кроме того, объяснял имущественное состояние уездных торговцев. Этот человек вообще много что мог объяснить, с каждым сословием находил общий язык. Его избирали на два срока (до 1898 г.) городским головой; за всю историю существования этой должности в Перми Синакевич был единственным чиновником «из штаб-офицерских детей». Все другие градоначальники были из купцов. Но он вошел в историю города как умелый администратор, как заводовладелец (так называемых «кирпичных сараев»), как крупный домовладелец – его трехэтажный дом на Сибирской, дача в Нижней Курье находятся на учете как архитектурные достопримечательности. Кроме того, по инициативе Синакевича, страстного меломана, любителя оперы в Перми была создана театральная дирекция, и больше пяти лет, вплоть до 1901 г., ее возглавлял сам Александр Васильевич. Это при Синакевиче Пермь прослыла на всю Россию музыкальным городом. Это при Синакевиче и после него стали появляться на Урале не только благотворители и храмоздатели, но и меценаты – люди, целенаправленно поддерживающие искусство.

Григорий Васильевич Бердинский с супругой

Назовем еще двух промышленников, членов банковского комитета. Григорий Васильевич Бердинский возглавлял работу по лесной торговле и лесопромышленности Прикамского района. Кожевенной торговлей, и в том числе обувью, занимался потомственный Почетный гражданин, гласный городской Думы Константин Ильич Назаров.

Обращает на себя внимание тот факт, что многие из членов комитета вели активную общественную деятельность, исполняли обязанности гласных. Например, Бердинский был членом четырех попечительских обществ! Кроме того, его избрали почетным блюстителем по хозяйственной части Пермской духовной семинарии. Ну, разве мог такой человек использовать свое положение в банке в корыстных целях?!

Все они, уважаемые члены пермского общества, занимались благотворительностью, имели награды за это: золотые, серебряные медали на Аннинской или Станиславской ленте, знаки ордена св. Станислава. Но, конечно, благие дела эти предприниматели, в большинстве своем, творили не ради отличий и наград, а по душевной склонности.

В ИНТЕРЕСАХ ДЕЛА

Спрашивается, что же беспокоило управляющего Пермским отделением, при таких-то кадрах? Может быть, отсутствие специалиста по бакалейной части? Нет, этому не придавалось большого значения. В документе читаем: «Торговля бакалейным товаром имеет в Пермском районе почти исключительно розничный характер, и возникающие по этой отрасли вопросы без затруднений разрешаются наличными силами комитета». Рассудили так: раз не возникает вопросов, требующих специальных познаний по этой части, то и особый член комитета не нужен.

Но вот по двум другим отраслям торговли усилить комитет нужно. В своей докладной записке управляющий отделением обосновал это так:

«Прикамский край представляет весьма обширную территорию, отличающуюся в своих различных пунктах крайне разнообразными условиями эксплуатации лесов. Вследствие этого невозможно найти такое лицо, которое обладало бы детальным знанием лесопромышленного дела на протяжении всего Прикамского района. По этой причине крайне необходимо иметь в учетно-ссудном комитете не менее двух лесопромышленников, одного – как знатока в северной, а другого – в южной части».

Павел Степанович Жирнов с супругой

Г.В. Бердинский детально изучил северную часть края, а вот южную знал мало. Учитывалось и такое обстоятельство. С наступлением осени многие из лесопромышленников начинали пользоваться подтоварным кредитом. Знание особенностей лесопромышленности на юге губернии в этот период было бы крайне полезно. Таким знающим человеком был Павел Степанович Жирнов – потомственный почетный гражданин, коммерции советник. Выходец из простых крестьян, он сумел поставить свое дело на крепкую основу и теперь ворочал миллионами – имел около 75 тысяч десятин земельных и лесных угодий, на несколько миллионов рублей. Жирнов охотно согласился войти в комитет. Возможно, в появлении такого тандема сыграл свою роль и родственный фактор: два самых крупных лесопромышленника были женаты на родных сестрах.

Основываясь на циркулярах правления Госбанка, управляющий отделением считал весьма полезным также ввести в комитет еще одного члена - из числа обывателей Кунгура. Причин несколько. Этот город и уезд заняли весьма важное место в местной торговле и промышленности. Кроме того, среди постоянных клиентов Пермского отделения немало кунгурских купцов, «делающих значительные обороты и учитывающих векселя в отделении на крупные суммы. Кожевенное производство находилось в сильнейшей зависимости от рынка. К концу XIX в. в Кунгуре работало более 60 кожевенных заводов! На них вырабатывалась кожа разных сортов и качества, бойко шла юфта белая, красная и черная. Шили сапоги, башмаки, обувь прошивную, рантовую, гвоздевую, а также саквояжи, сумки, чемоданы. Кроме того, по сведениям историка Н.П. Баяндиной, более тысячи кунгурских семей шили из кожи на дому рукавицы, перчатки, куртки-кожаны и т.п..

Естественно, с таким оборотом одному специалисту затруднительно справиться. В ходатайстве называется новая кандидатура – это купец Николай Алексеевич Пономарев, имевший в Кунгуре самый крупный кожевенный завод и наибольшую мастерскую по изготовлению обуви.

Предложения пермяков по усилению учетно-ссудного комитета были внимательно изучены в правлении Государственного банка и одобрены.